

ПРАКТИКУМ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ: «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»¹

П.Л. КАРАБУЩЕНКО

**Астраханский государственный университет
(Россия)**

искаженных и утраченных вследствие этого событий [См.: 6-7].

В «Слове о полку Игореве» отразилось мировоззрение социально-политической и духовно-культурной элиты конца XII столетия. Это произведение (если, конечно, оно не является искусной подделкой его первооткрывателя!) передает нам общую усталость тогдашнего общества от постоянных княжеских усобиц. Мы склонны рассматривать «Дело 1185 г. князя Игоря» как типичную политическую авантюру эпохи феодальной смуты, когда каждый был сам за себя и за свой удел («война всех феодалов против всех»).

В наших суждениях о личности князя Игоря следует выделять, как минимум, три его лица: 1) реальный князь Игорь (тот, что жил вне летописного текста) [1]; 2) литературный (пришедший к нам из «Слова о полку Игореве») и 3) романтизированный (герой

оперы А.П. Бородина «Князь Игорь»). Мы имеем дело с первым, выводя его через второго, совершенно не трогая третьего. Первый (внелетописный) Игорь находится между двух русских летописей – «Лаврентьевской» (весьма критически настроенной к нему) и «Ипатьевской» (в целом благожелательной к нашему герою). Летопись – дело тоже весьма субъективное и нуждается хотя бы в простом сопоставлении с аналогичными источниками. Второй Игорь – это уже литературный герой отличный от себя точно также, как «Я-десятилетний» в воспоминаниях «Я-восьмидесятилетнего». Если Слово о полку Игореве все-таки фальшивка конца XVIII в. (что мы тоже никак не можем исключить), то остаются рассказы двух русских летописей, в которых представлено интересующее нас событие.

Историческая герменевтика как раз и изучает те критические случаи истории, когда встречаются явные несовпадения между словом и делом исторического лица, а также и их несоответствие той идее, которой он сам себя выражает. С точки зрения исторической герменевтики исторические тексты, свидетельствующие о жизнедеятельности князя Игоря, содержат в себя массу про-

тиворечий и весьма тенденциозны. Историческую герменевтику интересует не филологические достоинства литературного произведения, коим является «Слово», а люди, и не просто люди, а личности, их поступки, и не просто их поступки, а их мотивы, факты, и не просто факты, а логика их развития. Историческую элитологию в первую очередь интересует то, как, почему и зачем субъекты элиты творят факты своей жизни и зачем они сочиняют о ней потом историю? В этом своем стремлении герменевтика и элитология имеют много точек совпадения.

«Слово о полку Игореве» было создано для того, чтобы гимном любви к родной земле скрыть чудовищное поражение русской дружины и сгладить авантюристические наклонности новгород-северского князя. Это произведение посвящено не победе, а неудаче; посвящено не чести, а бесчестию русского оружия. Прославляя неудачников, добра не сыскать, а совесть последнюю можно потерять. Это произведение – гимн русской оппозиции того времени. Позиции удельной, а не великокняжеской.

Да, поход Игоря типичный для своего времени [6, с.172]. Но

нетипична оказалась реакция на него. Если бы по каждому такому типичному походу создавались такие великие произведения, как «Слово», то Русь, а не Европа считались бы центром мировой культуры.

Главные феодальные уособицы XII в. были связаны с враждою потомков Владимира Мономаха (1053 - 1125) и потомства его противника – Олега Святославича (Гориславича) (? - 1115). И Мономаховичи, и Ольговичи постоянно использовали половецкую помощь в своих походах на соседние русские княжества, но особенно часто прибегали к этому именно черниговские Ольговичи. Половецкая «помощь» дорогой ценой обходилась рядовому русскому населению. Набеги степняков особенно усиливаются в 1170-е гг., когда половцы объединились под властью хана Кончака. Половецкое войско получило единую организацию и хорошее вооружение (у них появились машины – катапульты, баллисты, «греческий огонь» и огромные, передвигавшиеся «на возу высоком» луки-самострелы, тетиву которых натягивали более 50 человек) [6, с.173-174]. К тому же, среди русских князей у половцев было много друзей, союзников и даже родственников.

Русско-половецкое пограничье всегда было ареной многочисленных войн. Князь Игорь чувствовал здесь себя самым настоящим профессионалом. Это была его естественная среда обитания. Так, еще в 1171 г. Двадцатилетний князь Игорь ходил со своими северскими дружинами за реку Ворскла, где одержал знаменитую победу над половецкими ханами Кобяком и Кончаком, освободил полон и вернул всю добычу. В 1174, 1180, 1185, 1186, 1191 гг. князь Игорь вновь в своих набегах на половецкую степь. Так чем же его набеги хуже или лучше набегов самих половцев на Русскую землю? Но были годы, когда заклятые враги выступали заклятыми союзниками. В 1180 г. в битве у Долобска войска князя Игоря Северского (которому активно помогали половцы) были наголову разбиты Рюриком Киевским. Игорь и его союзник хан Кончак ели успели сбежать в ладье от преследовавших их киевлян в Городец у Чернигова. И таких примеров можно привести множество.

В 1184 г. войска Святослава Всеволодовича разбили половцев, захватив их военные машины, отбили русский полон и изъяли весь греческий огонь («живой огонь»). В этом успешном походе

князь Игорь Святославович участия не принимал – поход начался ранней весной и из-за гололедицы конница Игоря не успела к общему сбору русского войска. Поэтому он оказался в числе обиженных – ему не досталось лавров победителей. Более того, недоброжелатели его могли подозревать в умышленном уклонении от участия в походе, как бывшего союзника Кончака. Именно это, по мнению Д.С. Лихачева, и стало причиной его поступка – в следующем 1185 г. Игорь «очертя голову, «не сдержав юности», бросился в поход против половцев» [6, с.176].

Князь Игорь – типичный Ольгович. Из его покаянных речей (Ипатьевская летопись под 1185 г.) мы знаем, что это был типичный для своего времени князь-уголовник. «Помянух аз грехы свои перед Господом Богом», князь сам признавался во многих убийствах и кровопролитии в «земле крестьянской», в разорении русских городов, пленении невинных и т.д. [4]. Перед нами обычный антигерой земли Русской. Другое дело А.П. Бородин! Другое дело герой его оперы «Князь Игорь».

Итак, официальная версия событий. Поход полков игоревой рати начался во вторник 23 апреля

1185 г. – в день св. Георгия Победоносца. В поход отправилась практически вся родня Игоря – его сын Владимир Путивльский, племянник Святослав Ольгович Рыльский и пришедшая из Чернигова от князя Ярослава Всеволодовича дружина Ольстина Алексича. У берега Донца 1 мая, когда день уже клонился к вечеру, их застигло солнечное затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья. Но Игоря это не смутило. Он готов был на все, лишь бы прославиться, даже и скандально. Возле Оскола его войско соединилось с дружиной брата Всеволода, шедшего из Курска. От Оскола войско пошло к реке Сальнице [6, с. 176-177].

Дальше начинается самое странное. Вначале войска Игоря триумфально побеждают, затем позорно проигрывают. После первой победы (русские лучники сделали всего лишь один залп по половцам) они предаются трехдневному «веселью» в брошенном стане «побежденных» половцев [5, с.398]. На третий день перед пирующими вырастает «бор» (т.е. лес) главных сил половецкого войска. Трое суток русские пробиваются обратно, неся чудовищные потери. Из всего русского войска спаслось только 15 человек (поход начинало 6

полков). Пленных князей разобрали по рукам половецкие ханы. За самого Игоря поручился его сват - хан Кончак. Бежавшие же с поля брани полки «потонули» в степных речках [6, с.179]. И кто после всего этого не скажет что это не катастрофа? Но что самое интересное, перед второй битвой с половцами князь Игорь якобы произносит какую-то героическую речь (которую сам Д.С. Лихачев оценивает как «украденную» у Владимира Мономаха) [6, с.178], в которой заботится о «черных людях», поэтому приказал своим конным (дружине) спешиться и биться в пешем строю (т.е. с рядовыми ратниками). Именно эти «черные» и были якобы избиты без числа (6 полков!), а князья и бояре все как один благополучно попали в плен. Возникает вопрос: «а были мальчик», т.е. сам поход?

Самая главная несуразица этого рассказа в том, что силы похода Игорева «полка» не пропорциональны силе ответного удара «половецкого бора». Все войско Игоря напоминает собой «передовой полк», отправившийся по своему самодурству в «самовольную разведку». Игорь не планировал встречи с основными силами Кончака, которые раздавали бы его как пес блоху. Но к

нашему великому удивлению «полк князя Игоря» дает основным силам Кончака аж трехдневное сражение (!) Время сражения опять несоразмерно силам противника.

На Русь весть о поражении войск Игоря принес великому киевскому князю Святославу Всеволодовичу некто Всеволод Прорович, когда тот собирался сам идти походом на половцев. Святослав сразу оценил действия Игоря как измену – «отворил ворота на Русскую землю». Он обвинил Игоря также в «юности» («не сдержав юности»), т.е. назвал его действия «детским лепетом», неразумностью (хотя тогда Игорь уже имел взрослого сына). По этой версии получается, что князь Игорь (как самая натуральная выскочка) попал под раздачу между молотом и наковальней – Киевский князь сам собирался в поход на половцев, а половцы в свою очередь сами шли на Русь (ведь собрать всю половецкую степь за три дня – которые дружинники Игоря пировали после первой победы – было просто невозможно, значит, половцы сами готовились к большой летней компании на Руси). Получается, что Игорь напал на передовые части половцев и обратил их в бегство, а, столкнув-

шись с основными их силами, сам был наголову разбит и полонен.

О суровых воинских буднях Ольговичей мая 1185 г. нам сообщает «Ипатьевская летопись», которая опирается в своем повествовании на слова самого князя Игоря. То есть, все, что нам известно об этом «Деле 1185 г.» (поход, сражение, плен, побег) мы знаем со слов его главного участника – князя Игоря (это его история, рассказанная им самим, себе же во благо). Больше никаких других свидетельств у нас нет. Видимо это обстоятельство и тогда тоже вызывало у многих сомнения. Именно поэтому, по всей вероятности, и было заказано такое произведение, как «Слово о полку Игореве».

Но вот что любопытно. После «разгрома» игорева полка, половцы направились не на земли своего врага, который только что пожег и разграбил их вежи, т.е. не на земли Игоря, а на Переяславль, на город врага Игоря, князя Владимира Глебовича, с которым тот воевал в 1184 г. [3, с.47]. И этот факт свидетельствует о многом.

В сюжетной линии «Слова» нет даже и намека на что-то героическое. Князь начинает в ненужное время ненужную войну и с блеском/треком её проигры-

вает. Выгод (ни политических, ни материальных) никаких, а потерь (моральных и материальных) хоть отбавляй. Но самое главное, князь покрыл себя не славой, а запятнал бесчестьем. И об этом позорнике и его позорище еще сочинять художественную мелодраму?! Что творится в голове элиты, не знает ни одна элита. Психология и культурология этого вопроса остается до сих пор открытыми [5, с. 195 – 200]. Но по подобным памятникам истории как «Слово» мы можем изучать феномен элитарного мышления, даже через призму исторического прошлого.

Бесчестьем является не только бесславное поражение князя Игоря, но и его «чудесный побег». Князь бежал из плена, нарушив княжеское слово, тем самым, запятнав свое имя позором. Насмешкой звучит «радость земли Русской» по случаю его возвращения домой («тебя ещё нам для полного счастья не хватало!»). Одним князьком больше, одним меньше... Но этот предал дважды – вначале русских князей, организовав и бездарно проиграв свой поход, затем половцев – которые поверили его честному слову, а он взял да и сбежал.

То, что князь Игорь своими непродуманными действиями

свел на нет успехи похода великого киевского князя Святослава 1184 г. и «отворил ворота» половцам на Русскую землю сегодня бы расценивалось как предательство (в 1941 г. за такую самодеятельность его бы как «врага народа» расстреляли другие правящие князья!). После разгрома его войска, половцы двумя волнами пошли на Русь – Кончак на Переяславль Южный, а Кза пошел на Семь. Лишь только совместными усилиями русских князей удалось выдавить половцев обратно в их степную зону.

В это время знатный пленник, пользуясь относительной свободой и почетом, ездил в окружении 20 своих половецких охранников-телохранителей на ястребиную охоту и даже вызвал из дома своего священника для отправления церковной службы. Настроение князя изменилось лишь тогда, когда до него дошел слух, что возвращающиеся из похода на Русь половцы решили перебить всех своих пленников. Тогда князь Игорь при помощи крещеного половеца Лавра благополучно бежит из плена (его стража напилась кумыса и не заметила, как русские ночью бежали в степь). Дома князя Игоря ждал радужный прием. Из Новгород-Северского он поспешил на поклон

в Чернигов и в Киев (по-видимому, для того, чтобы вымолить грехи) и был встречен с почетом (т.е. прощен) [6, с.179-180]. Вот такая забавная история, о которой никто никогда бы и не вспомнил, не сочини некий анонимный современник песню о подвигах незадачливого князя. И вообще – кому в голову пришла идея прославлять сей «подвиг»?

Автор «Слова» через экзегезы (скрытые цитаты) намекает на истинные мотив и события своего рассказа. Перед нами фактически не один, а сразу два текста – официальный (тот, что лежит на поверхности) и альтернативный (скрыты в контексте). Экзегезы выстраиваются в определенный ряд: 1) Священный долг князя защищать свои земли, а не завоевывать чужие. Но автор «Слова» прямо говорил о целях его похода – «копье переломить конец поле половецкого» и Дон «шеломами испить» [13, с. 19], т.е. это явно неблагочестивый поход. 2) Князь неоднократно назван как «буй тур» (слово «буесть» обычно переводится как «отвага», но у этого слова есть еще и другие значения, такие как: «заносчивость», «дерзость», «необузданность») [14, с. 65]. 3) Поход начался на Святой Пасхальной недели, что уже является

святотатством. Святотатство и дата начала похода – 23 апреля – именины князя день св. Георгия Победоносца (крестильное имя Игоря – Георгий) [14, с. 66]. 4) Затмение Солнца (1 мая – день пророка Иеремии) в самом начале этой истории это намек автора на то, что всё это дело покрыто мраком (т.е. «темное дело»). «Художественный образ ночи» довлеет над всем этим произведением, указывая на его недостоверность. «Гордыня – затмение души. А в природе – затмение солнца». [14, с. 65]. 5) Аналитиками было замечено, что князь Игорь является инкарнацией иудейского царя Седекия, а описание самого его похода было автором Слова практически пересказано по Книге пророка Иеремии. Автор заметил, что обе эти истории отделяет 1600 лет (586 г. до н.э. и 1185 г.). Сходства действительно слишком очевидны (*Иеремия, 9:20-22; 10: 18-19; 15:2-3; 46:4; 50:14. Ср.: Слово, С.17, 10, 13, 11-12, 22-23 и т.д.*). [14, с. 68-70]. 6) половцы в тексте «Слова» постоянно именуются «погаными». Но стоит напомнить, что сам князь Игорь был наполовину половец - его мать дочь половецкого хана Аепы, родная (по отцу) сестра жены основателя Москвы Юрия Долгорукого. Сам

Кончак был наполовину грузин (его мать была грузинской княжной) [11]. Его сын женился на половчанке Свободе. Таким образом внуки Игоря более половцы, чем русские 7) Знаменитый плач Ярославны – это отголосок семейного скандала, из-за «половецких плясок» её мужа, чуть было не дошедшего до «развода». Все эти намёки указывают на нереальность официальной версии похода и на необходимость расшифровки его альтернативной версии.

Вся эта история смахивает на действительно заранее отрепетированный спектакль. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что этот поход был «семейным бизнесом» - в нем участвуют только родственники (дядя, племянники, сыновья да кумовья). Во-вторых, он начался в год «затишья», когда явной угрозы со стороны половецкой степи на Русь не ожидалось («поганые» были «притомлены» походом 1184 г.). В-третьих, он нарушал достигнутые мирные договоренности - результат успешного для русских похода 1184 г. Вопрос: кому все это было выгодно? Ответ: половецкому хану Кончаку. В свете этих фактов, князь Игорь выступает как провокатор. Именно стремлением замаскировать все эти негативные стороны

биографии князя Игоря, и было заказано апологетическое произведение «Слово о полку Игореве», где кульминацией всего действия является призыв к любви родной земле, да плачь Ярославны.

Кончаку нужна была реабилитация (отомстить за отца своего Боняка и деда Шарукана разбитых под Киевом аж в 1106 г.!?). Но если уж за кого и нужно было мстить половцам, так это за убийство в Киеве хана Кабяка. В «Слове» говорится о том, что Кобяк «из луку моря» пал («падеся», буквально «упал») в граде Киеве, в гриднице Святослава. Убийство столь знатного пленника было делом злодейским и у половцев появился веский повод сделать то же самое и с русскими плененными князьями. И хотя Игорь не несет личной ответственности за это киевское преступление, но он находится в тени коллективной ответственности всей Русской земли. В этой связи призывы «постоять за землю Русскую и славного князя Игоря» выглядят вполне объяснимыми и обоснованными – князь Игорь становится невольным заложником киевских событий (убийства Кобяка).

Однако, разгадка сюжета может крыться уже в самом «ли-

рическом вступлении», где анонимный автор отвергает старую манеру Бояна и решает следовать непосредственно «былинам» своего времени, т.е. изложенный вариант событий он заранее выдает за окончательную и не подлежащую сомнению правду (ведь это же был). Боян – певец, он может и «заливать», а автор «Слова» – серьезный человек (во всяком случае, он так себя сам позиционирует), он творит былинку. Автор настолько искренне и страстно излагает события, что ему трудно не поверить. И ведь верят же, несмотря на все указанные в произведении странности. И ты понимаешь, почему в самом начале этого повествования в нем белка бежит по ветвистому дереву жизни?

Образ бегущей по дереву белки – символ ускользающей правды. Это все равно, что журавль в небе. Князь Игорь пустил по этому дереву жизни (т.е. будущей истории) свою собственную «белку». Она – олицетворение его правды, его выгоды. Это его наиболее выигрышный взгляд на историю тех событий. Но должен ли его взгляд быть нашим взглядом на историю? Очевидно, что нет. При помощи герменевтики мы должны изложить эту «белку» (мысль) и

разобраться в том, что она собой представляет на самом деле?

В истории с походом князя Игоря мы видим, как чей-то бесспорно литературный талант был поставлен на службу конкретному субъекту власти, с целью его политической реабилитации. Но в самом факте существования этого произведения (если, напомним, оно действительно относится к XII столетию) можно усмотреть еще и не один подтекст. Что открывается нам в свете герменевтического анализа?

Перед нами князь-неудачник, авантюрист и стяжатель, над головой которого нависло обвинение в предательстве, и который, благодаря удачному (и необычному для того времени) PR-ходу, стал одним из самых знаменитых князей Руси XII в. Заслужена ли эта скандальная известность? Полагаем, что нет. Он типичный политический деятель эпохи феодальной смуты своего времени. Причем призыв к единению русских земель к нему лично не относится. Князь Игорь напротив делает все, чтобы углубить это разъединение и продлить время смуты межкняжеских усобиц.

Перед нами откровенная удельная политическая демагогия того времени, когда какой-то удельный князек выступает от

имени всей земли Русской (кто дал ему такое право, непонятно?!). При этом надлежит выяснить, что собой представляла эта самая «земля Русская»? По представлениям человека того времени – это Киевское и Черниговское княжества (там, варяги «Русью» прозвались). Князь Игорь сам ни с кем не посоветовавшись, затеял эту войну, сам по заслугам получил, а теперь плачется, что никто из русских князей не желает за него несчастного вступить и отомстить! Да кому ты вообще такой распрямленный сдался в вертепе феодальной смуты?! Все только рады тому, что ты проиграл. У каждого свои заботы, свои победы и поражения. И вовсе не собирався князь Игорь лечь животом «за землю Русскую». И сам автор «Слова», словно издеваясь над своим героем, пишет: «уже соколам крылышки подрезали поганых саблями». И слова великого киевского князя о том же: без чести вы бились и без чести вы и остались. Все зря, ибо несвоевременно. Но автор «Слова» упорно продолжает призывать других удельных князей встать за «землю Русскую и отомстить за раны удалого князя Игоря». «Объясните мне (человеку с удельным типом мышления) ради чего я должен

проливать свою кровь во славу этого авантюриста, который у меня у самого на заднем огороде ворует кур? Он нас, князей удельных, самостийных, спросил, когда отправлялся в свой безумный поход? Да если бы за все полученные кем-то раны мстить, раны эти возрастут тысячекратно. Только безответственная политика вызывает к мщению, религиозная мудрость – призывает нас к прощению. Призыв «Слова» к отмщению означает умножение насилия, новое пролитие крови. И таким призывом восторгаются исследователи «Слова»? Если вспомнить, что современная российская нация спаялась именно из городской русской культуры и культуры великой степи (в том числе и половецкой), то такой призыв в наше время выглядит как призыв к гражданской войне. Поэтому данное произведение весьма далеко от современного пацифизма и политкорректности. Это ответ агрессии на агрессию. Иной политической формулы в эпоху феодальной раздробленности и быть не могло.

Еще один известный эпизод «Слова» – знаменитый плач Ярославны (Евфросиньи Галицкой), жены князя Игоря. Он занимает в «Слове» четверть странички. За это время княгиня

трижды всходит на зубчатую стену Путивля и поочередно обращается к силам природы – ветру (Ветер-Ветрило), реке (Днепру Словутичу) и Солнцу, при этом, забывая обратиться к Господу Богу (вот язычница?!). Княгиня и впрямь ведет себя не как добропорядочная христианка, а как законченная язычница. Видимо, плач её был каким-то особенным, несерьезным (с политической точки зрения). И у этого плача действительно есть свой особый подтекст. Это плач вовсе не по поводу попавшего в плен князя-супруга, а крик отчаяния по поводу пропавшего в степи мужа. «Плачь Ярославны» – это плач обманутой жены по «половецким пляскам» ее загулявшего мужа.

И в самом деле, что делают русы, захватив первые половецкие вежи? Как дикари набрасываются на *«красных девок половецких»* (обратите внимание – здесь точно употреблено слово «девка», а не «девица»). Вот почему в самом конце «Слова», когда князь Игорь возвращается на «русскую землю», радостно «поют девицы на Дунае» (обратите внимание – «девицы», т.е. невинные, а не «девки», уже до брака согрешившие) – радуются, что теперь настал и их черед (!?) Чем завершаются такие загулы в

наше время, нам специально объяснять не надо. На русской кухне всегда полно разных предметов (от сковородки до табуретки), коими ревнивые жены вправляют мозги своим неблаговерным мужьям. Вот почему Игорь едет не сразу домой, а возвращается окольными путями (через Киев), т.е. все наоборот.

Кстати сказать, и само семейство князя Игоря тоже не отличалось благолепием брачных уз. Семейные и политические скандалы здесь были обычным делом. Так, тесть Игоря галицкий князь Ярослав Осмомысл в 1187 г. Завещал свой престол в Галиче младшему сыну в обход старшего – законного наследника. Еще в 1173 г. его жена княгиня Ольга Юрьевна с сыном Владимиром (известным в последствии забулдыгой и бражником)¹ бежала от мужа вместе с видными галицкими боярами в Польшу. Разрыв в семействе был вызван тем, что у Ярослава появилась любовница Настасья, которая родила ему еще одного сына – Олега «Настасьича». Именно ему Ярослав Осмомысл и завещал свое княжество.

¹ Согласно «Ипатьевской летописи» (об. 222) Владимир Галицкий в 6691 /1183 г. бежал к своей сестре Евфросиньи в Путивль, где прожил «в любви» и согласии два года (т.е. до 1185) и уехал от родственников лишь на третье лето.

Однако галицкие бояре устроили заговор против своего князя: Ярослав Осмомысл и его незаконный отпрыск были арестованы, его друзья, союзники половцы, – изрублены, а любовница – сожжена на костре [2, с.284]. Настоящая драма в духе шекспировских исторических хроник. Поэтому плач Ярославны – был о «гуляках» той эпохи. Ярославна точно знала характер и своего отца, и брата, и мужа. Поэтому, когда двое из них (брат Владимир и муж Игорь) собрались в половецкую степь, женщине не составило особого труда догадаться, чем они там намеревались заниматься...

Вот, что делает с историей герменевтика – она превращает плоское понимание исторических событий в объемное; усматривает в героическом превратно надуманное; выводит историческую личность на чистую воду, там, где она теряет и все свое патетическое, и все свое благообразное. Она, наконец, обнаруживает в официальной версии те изъяны, которые свидетельствуют о проделанной заинтересованными лицами фальсификации, и дефальсифицирует нам историю, делая ее более достоверной, но при этом иногда и менее приглядной.

* * *

В результате рассмотренного нами «Дела 1185 г.», открылись факты, которые противоречат логике реальных событий. Это и непропорциональность воинских сил, и странное трехдневное сражение, и более чем странный плен и еще более странный побег, а самое главное – реакция на все эти события Великого киевского князя (назвавшего объяснения поступка князя Игоря детским лепетом, т.е. «бряхней») названного в Слове «мудрым». Иными словами, был рассказ о походе, но не было существенных доказательств того, что этот факт действительно имел место быть. Но как тогда князь Игорь оказался в половецком плену – ведь самое достоверное во всей этой истории это его плен.

Полученная старшими князьями информация о походе Игоря, их явно немало позабавила, ибо слышали они завирательский рассказ князя о его собственном походе, сражении и пленении. Князь Игорь хочет быть первым среди младших («выскачка»), он хвастается своими воинскими подвигами (дать самостоятельное сражение и проиграть основным силам противника в трехдневном сражении – это великий рыцарский подвиг!), он бросил вызов всей половецкой

степи, а значит, поставил себя в один ряд с великим киевским князем. Последнему, естественно, это не понравилось, и он решил провести расследование этого «Дела». Так появилась версия «Лаврентьевской летописи» – не воевали, а бражничали. Так появилась встречная версия «Ипатьевской летописи» – не бражничали, а кровь проливали; а князю великому не эти бы скаредные «Дела» расследовать, а постараться Русь Матушку объединить, да от ворогов ее избавить (дело куда более важное и почетное, да вот только как его выполнишь!?). Основная точка зрения скептиков: «Чья бы корова мычала!». Основная позиция князя Игоря: «Не пойманный, не вор!» На том они тогда и порешили. Но зачем тогда появилось «Слово»? По всей видимости, скандал этот стал всеобщим достоянием. Еще через два года (1187) на всю крещенную Русь ославился тесть Игоря галицкий князь Ярослав Осмомысл. Еще через четыре года (1191) князь Игорь вновь совершил неудачный половецкий поход.

Самому походу в «Слове» посвящено не более 10 % текста. Остальное – это многочисленные отступления: взгляд на историю, вставки воспоминаний и рыданий. Автор вообще представляет нам

историю Руси от Владимира Святого (980 – 1015) до «нынешнего Игоря, который напряг ум волею своею и отточил сердце свое мужеством, исполнившись ратного духа, навёл свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую». Автор «Слова» явно намекает, что он не Боян, а Нестор Летописец. Боян – сладкоголосый соловей (т.е. «заливала»), а Нестор – серьезный историк. Удельный князь (он же ориентировочно и заказчик «Слова») явно страдает манией величия, раз ставит себя в один ряд с Владимиром Красное Солнышко. Политическая мысль автора «Слова» скорее всего, обращена не в будущее (не к самодержавной Московии времен поздних Рюриковичей), а вспять – к самодержавному Киеву эпохи первых Рюриковичей. Не имея своей собственной славы, князья эпохи феодальной раздробленности активно использовали ссылки на славу своих дедов и прадедов («дедня слава»). Ссылки на общую русскую историю, маскирует недостаток информации об истории 1185 г. Автор, словно понимая это (в этом он оказывается намного талантливее своего политического заказчика!), уводит слушателя /читателя в сторону от самого похода 1185 г., создавая глубоко

эшелонированную канву исторических событий, на фоне которой этот незначительный факт тоже начинает выглядеть эпохальным. Откройте любой современный учебник по истории Руси XII в. и вы найдете упоминание этого события. Значит, своей цели автор и заказчик «Слова» (для нас это пока две разные личности) достигли.

«Слово» дает свою версию причины и цели похода Игоря – воины искали *«себе честь, а князю славу»* [13, с.19], а сами братья-князья шли якобы за тем, «чтобы попытаться отвоевать город Тмутаракань или напиться шлемом из Дона», т.е. «план максимум», и «план минимум». Воины – это средства, Тмутаракань – это цель. В поэме не зря упомянуто Лукоморье, Тмутараканский истукан (половецкие каменные бабы) и храбрый Мстислав тоже Тмутараканский, «что зарезал Редедю пред полками касожскими».² Получается, что у князя Игоря и впрямь была идея

² Данный пассаж может быть намеком на то, что в Киеве накануне этого похода был зарезан половецкий хан Кобяк Карлыевич, правивший именно лукоморскими половцами. Поэтому экспедиция Игоря в глубь половецких земель могла быть вызвана желанием захватить оставшиеся без ханского управления («бесхозные») степи Лукоморья (Приазовье).

отвоевать и вернуть Тмутараканское княжество, связанное с линией именно его княжеского рода. Идея архиграндиозная, заманчивая, но не по его силам. Так, что соперничество с Кончаком у него могло быть не из-за «Русской земли», а из-за Тмутараканского княжества. И соперничество это было, скорее всего, идейное, ибо проблема была весьма спорной. Но мы знаем, как завершилось это соперничество – первым союзом Руси и Степи, приведшим их обоих на берега Калки в 1223 г.

Тогда получается, что русские князья мыслили масштабно (можно сказать, - геополитически), но не реально (утопически) – вместо того, чтобы защищать свою родную землю от половецкой угрозы, они шли возвращать себе «колониальные владения». Тогда все призывы к единению и спасению Отечества – гольная политическая фикция, маскирующая истинное значение того похода. Призыв к единству вовсе не означает к установлению самодержавия, а указывает на мир среди русских княжеств и войну вне их границ.

Мы видим, что все описанные нами события и факты их сопровождающие, оказываются несогласованными – где-то что-то всегда выпадает из логической

цепи рассуждений (в одном месте не хватает одного, в другом – другого). Такое несовпадение указывает на то, что логика была кем-то специально нарушена, некоторые события были изъяты или переставлены местами, а на место изъятого поставлены иные персонажи и события. Историческая герменевтика призвана специально разбираться с подобными несогласованиями. Что в этой связи мы можем сказать? Реконструировать события мы можем, лишь удалив из их ткани плесень фальсификации. В этой связи мы вправе предложить следующие варианты развития тех событий.

* * *

При детальном рассмотрении всей суммы событий, нам кажется, что в тексте «Слова» и летописей говорится о двух совершенно разных событиях: 1) некое событие 1185 г., когда в мае было солнечное затмение, после которого состоялся поход хана Кончака на Русь и 2) поход 1191 г., когда князь Игорь организовал целую коалицию русских князей против самого Кончака, перекрывшего им доступ в разоренное Тмутараканское княжество [6, с.203]. При этом детали событий 1185 г. были присоединены к событиям 1191 г., что дало совер-

шенно иную датировку, и спутало канву событий 1185 г.

Начнем со второго события. Тот грандиозный поход был таким же неудачным, что и поход 1185 г., что заставляет нас задуматься о том, а не одно ли это и то же событие, разведенное по разным годам на основе произошедшего солнечного затмения (1 мая 1185 г.)? Поскольку солнечное затмение привязано к деятельности князя Игоря, значит, оно какую-то роль в его жизни сыграло.

Если мы переносим события похода Игоря и его К^о на Тмутаракань с 1185 на 1191 г., то какие события произошли тогда в 1185 г.? А произошел ответный поход половцев на Русь. В 1184 г. как известно, русские разгромили половцев, а в следующем 1185 г. Половцы решили взять реванш. Но с какой целью тогда оказался в половецкой степи князь Игорь с сотоварищами? Ответ на этот вопрос попытаемся обнаружить на страницах самого «Слова».

В его тексте дважды упоминается то, что князь Игорь и хан Кончак были сватами. В первый раз об этом говорят сами русские после поражения своей рати на берегах Каялы («сватов напоили, а сами полегли»). Во второй раз – после побега князя

Игоря из плена – Кончак в разговоре с ханом Гзе говорит: «соколика [т.е. сына князя Игоря] мы опутаем красной девицею», на что тот возражает: «Коли его опутаем красною девицею, не будет у нас ни соколика, ни красной девицы». В первом случае речь идет как уже о свершившемся факте сватовства, во втором – сначала у Кончака возникает идея, а затем его брат пророчески говорит о том, что произойдет в будущем. Из всего этого мы можем заключить, что князь Владимир Игоревич Путивльский был зятем хана Кончака. Если поход против Кончака состоялся в 1191 г., то сватовство мы вправе отнести к 1185 г., потому что уже в 1186 г. у Владимира Игоревича и Свободы Кончаковны родился сын Изяслав, общий внук хана Кончака и князя Игоря [7, с.84-85].

По этой версии в апреле 1185 г. князь Игорь отправился со всеми своими родственниками сватать старшего сына за ханскую дочку (Данная версия была впервые высказана еще А.Л. Никитиным и в общем поддержана И.Н. Данилевским) [3, с.48]. Этим и объясняется то, что в пути они изрядно веселились. В пути их застало затмение (для суеверных людей это все равно, что дорогу перебежала черная кошка). Им бы

вернуться, но сватовство дороже какой-то там глупой астрологии. Князья с малой дружиной прибывают в половецкую степь и тут узнают о том, что вместо свадьбы хан Кончак приготовил ответный поход на Русь. Сваты становятся заложниками хана. Этим мы можем объяснить их удивительно дружелюбное «пленение».

Далее Игорю приходится как-то реабилитироваться в глазах других русских князей, пострадавших от половецкого набега. Так рождается версия князя Игоря о его походе на Кончака (дескать, я сам с ним сражался и пострадал), разгроме его войска и пленении. Именно с этой версией князь и возвращается на Русь. Но главные князья ему не поверили на слово, пришлось «платить» летописцам, чтобы те занесли в свои хроники то, что ему было нужно (Ипатьевская летопись). Но не всех смогли купить (Лаврентьевская летопись). Поэтому пришлось дополнительно еще сочинять своим недоброжелателям ответное слово.

Примечательны также и тотемные (символические) образы. Сражения происходят не только среди воинов, но и среди символов, гербов-тотемов. Так, князь Игорь неоднократно сравнивается с соколом, который избивает

гусей и лебедей лукоморских. Под последними следует, по всей видимости, понимать половцев. Сокол же – тотем Рюриковичей, Рюрик (Рорех) – это сокол. В русских сказках лебедь стал своей птицей через царевну-лебедь, т.е. через тех половецких княжон, которые русские князья брали себе в жены и через тех русских дев, которых брали в жены половецкие ханы. До этого «гуси-лебеди» были птицами грабительских налетов и пленений. Именно родственные отношения Руси и половецкой степи закладывали первые кирпичики в здание будущей России и будущих россиян. Все они – и половцы, и русичи, – будущие россияне, т.е. мы с вами. И птицы-тотемы вскоре помирились и перестали враждовать.

Что до «буй-тура Всеволода», то сравнение с туром может содержать в себе намек на языческого бога Велеса тотемом которого был этот зверь и о котором в «Слове» речь идет несколькими строками выше («вещий Боян, Велесов внук»). Сам Всеволод, по-видимому, отличался в сражении особым рвением, за что и снискал себе такое грозное прозвище (а может быть, просто был туп как бык!). Но здесь может быть еще один намек – на вещего князя Олега, воины кото-

рого клялись Велесом при подписании мирного договора с Византией. Князья XII в. шли в поход и мысленно сравнивали себя со своим далеким предком из X в., который ходил аж на сам Царьград.

Главная идея «Слова» - это призыв к единению Русской земли, который иллюстрирует обратное ему поведение конкретного князя. Земли Русские можно было объединить, но нельзя было объединить самих князей. Земли можно было собрать, лишь истребив всех удельных князей и всю систему местного независимого самоуправления. Самодержавие каленым железом на протяжении многих столетий выжигало из русского человека эту идею. В результате мы имеем территории, напрочь лишённые чувства местного самосознания и самоуважения, ибо центральные власти лишили их этого главного достоинства. Главное достоинство феодальной раздробленности – это то, что каждая территория была сама себе голова и жила исключительно на свои доходы. Это, пожалуй, единственное оправдание этой эпохи. Во времена, когда события развивались под девизом - «один на всех и все на одного» - призыв постоять гуртом за «землю Русскую» выглядел, мягко

говоря, провокационным. Во-первых, такой «земли», как таковой, ещё не было в политической природе, а во-вторых, у каждого было свое понимание патриотизма, ограничивающееся границами своего удельного княжества-государства.

Некоторые говорят о прощеском даре автора «Слова», а нам кажется, что он совершенно политически близорук. Он видит угрозу исключительно со стороны половецкой степи, не замечая, что между Русью и Степью половецкой уже намечился синтез (сначала брачный, затем культурно-политический). В начале XIII в. русские и половцы уже союзники-родственники, которые выступают на защиту совместных интересов. И самый яркий такой пример - битва на р. Калке в 1223 г. То, что просмотрел автор «Слова», так это угрозу Русской земле со стороны Запада (польско-литовско-венгерская оккупация), которая поглотит Киевскую Русь, низведет ее до уровня провинций королевств Польши, Литвы и Венгрии. Вот против кого нужно было объединяться, а не против половцев. Русская земля и Половецкая земля – это уже Россия.

Главная проблема создания «Слова» - это вопрос «зачем»:

зачем понадобилось такое произведение и кому? Если просто так, от скуки ради, то проблема снята. Если для провозглашения тезиса о единстве «земли Русской» и посрамления чести половецкой, то глупо, поскольку, породнившись с «погаными», ты или сам «опоганишься», или погань облагородишь. Как показывает история, произошло второе. Но автор «Слова» этого не знал, или не хотел осознавать уже наметившуюся в его время тенденцию. На Руси всем хорошо известен князь Александр Невский. Но мало кому известно, что его отец

Ярослав Всеволодович первым браком (ок. 1205 г.) был женат на половецкой княжне, дочери хана Юрия Кончаковича, сына хана Кончака. Тезис о «поганости земли половецкой» – это плевок уже в сторону современной России, ибо «земля половецкая» – это современный Юг Российской Федерации. Конечно, автор «Слова» знать об этом не мог. Но мы должны быть исторически трезвыми и обязаны видеть, где заканчивается политическая реальность XII в. и начинаются реальности иных времен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславский В.В., Бурминов В.В. Русь. Рюриковичи. Иллюстрированный исторический словарь. [Текст] М.: «Познавательная книга плюс», 2000. -672с.

2. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.): Курс лекций. [Текст] М.: Аспект Пресс, 2001. -339с.

3. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.): Курс лекций. [Текст] М.: Аспект Пресс, 2001. -389с.

4. Ипатьевская летопись [Текст] // ПСРЛ. Т. 2. /С предисл. Б. М. Клосса. М., ЯРК. 1998. 648 с.

5. Карабущенко Н.Б. Феномен «элитного сознания» как особая форма отражения окружающей действительности [Текст] // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 195 – 200.

6. Карабущенко П.Л. Политическая герменевтика как метод элитологической науки [Текст] //Проблемы интерпретации художественных произведений. Материалы Всероссийской научной конференции. 27-28.08.2007. Астрахань, 2007. С.51-57.

7. **Карабущенко П.Л.** Элитология истории и «конец истории» [Текст] // Вопросы элитологии. Т.2. 2005. С.78-84.
8. **Лаврентьевская летопись** [Текст] // ПСРЛ. Т. 1. М., ЯРК. 1997. - 496 с.
9. **Лихачев Д.С.** «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Монография. [Текст] Л.: Художественная лит., 1978. - 359 с.
10. **Лихачев Д.С.** Великое наследие. (Классические произведения литературы Древней Руси). [Текст] М., Современник, 1975. 368 с.
11. **Плетнёва С.А.** Половцы. [Текст] М.: Наука, 1990. - 210 с.
12. **Рыбаков Б.А.** Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». [Текст] М.: Молодая гвардия, 1991. -287с.
13. **Слово о полку Игореве** /Под ред. В.П. Адриановой-Перетц; Текст подготовил к печати Д.С. Лихачев. [Текст] М.—Л., АН СССР, 1950. 484 с.
14. **Ужанков А.Н.** Поход 1185 г. Игоря Святославича на половцев в контексте священного писания и древнерусского предания [Текст] // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. N2(36), июнь 2009. С.64-71.